

ՊԱՎԵԼ ՉՈՐԱՆՅԱՆ

ԲՈԳԴԱՆ ԱՍԼԱՆՈՎԻ ՈՒՂԵԳՐՈՒԹՅՈՒՆԸ

1764 թվականին կապիտանի աստիճանով ռուսական զինվորական ծառայության մեջ գտնվող հայազգի Բաղդասար (Բոգդան) Ասլանովը, որը բացի մայրենի հայերենից տիրապետում էր նաև ռուսերեն, պարսկերեն ու թուրքերեն լեզուներին, Աստրախանի գեներալ-մահանգապետի կողմից երաշխավորվել էր դիվանագիտական ու հետախուզական առաքելություն կատարելու Աֆղանստան՝ պարզելու Աֆղանստանի հավակնությունները Փոքր Բուխարայի նկատմամբ և սկզբնավորելու նաև ռուս-աֆղանական դիվանագիտական վտխեարաբերություններն ու ռազմա-քաղաքական համագործակցության հնարավորությունը՝ անհանգստացած դեսպի Սիջին Ասիա Չինաստանի առաջխաղացմամբ: Չինական կայսր Ցյան Լունի գորքերը արդեն 1758 թվականից վերացնելով Ջունգարների իշխանությունը, գրավել էին Յարկենդ, Կաշգար, Ադսու և այլ քաղաքներ: Աֆղանական Ահմեդ շահի և Չինական արքունիքի միջև հարաբերությունների սրման մասին տեղեկությունները Պետերբուրգ էին հասել 1763թ. աշնանը: Բոգդան Ասլանովը պետք է Ահմեդ շահին «ներշնչեր», որպեսզի մանջուրա-չինական զորքերի դեմ պատերազմի ժամանակ հարաբերվեր ռուսական սահմանային հրամանատարության հետ, կամ «Խիվայի ու Օրենբուրգի վրայով այստեղ՝ Նորին Կայսերական մեծության արքունիք, ուղարկել իր դեսպանորդին, որի հետ կարելի լիներ ամեն ինչի մասին համաձայնության գալ»։ Բ. Ասլանովին հանձնարարվել էր նաև ռուս-հնդկական առևտրի կազմակերպման համար նպաստավոր ուղիների պարզաբանելու խնդիրը:

Բ. Ասլանովը հաջողությամբ է իրականացրել իր առաքելությունը և ռուսական իշխանություններին ներկայացրել իր ճանապարհորդության նկարագրությունը «Գաղտնի տեղեկանք»-ի ձևով, որը լիովին համապատասխանում է ուղեգրական ժանրի ստեղծագործությունների շարքը դասվելու պահանջներին, իսկ նրա հաղորդած տեղեկությունները նոր տվյալներ են ավելացնում ռուս-աֆղանական հարաբերությունների սկզբնավորման և հատկապես աֆղանա-մանջուրական քիչ ուսումնասիրված հարաբերությունների լուսաբանման համար:

Բաղդասար (Բոգդան) Ասլանովի մասին վավերագրերում տեղեկություններ են պահպանվել 1754 թվականից սկսած: Նշված թվակա-

նին Բ. Ասլանովի նկատմամբ դատական հայց են հարուցել Աստրախանում բնակվող հնդիկ երկու վաշխառուներ որոնց հետ գործարքի մեջ մտնելով և համատեղ փայատիրական առևտրական ընկերություն ստեղծելով, վերցրած դրամով ապրանքներ գնելով Աստրախանում, Բ. Ասլանովը 1743 թ. մեկնել է Պարսկաստան առևտրական նպատակներով և այնտեղ մնացել մինչև 1748 թ. : Դատական այս գործի առիթով հավաքված տեղեկությունների համաձայն, Բաղդասար Ասլանովի հայրը՝ Լևոն Ասլանովը, եղել է հավանաբար Շուշի քաղաքում Ավան հարյուրապետի զորավարներից, որ գտնվել է լեզգիների դեմ կռիվներում³։ Բողդան Ասլանովը գերի է ընկել լեզգիների մոտ, ապա փրկագնվել և փոխադրվել Ղզլար։ Այնտեղ նա ստացել է կասյիտանի աստիճան։

1760թ. վերաբերող Սենատի որոշման մեջ կրկին հիշատակվում է Բաղդասար (Բոզդան) Ասլանովի մասին, որ առնչվում էր վախճանված հնդիկ Սուխանանդի ունեցվածքի ժառանգման խնդրին։ Ըստ արդեն «определенной в Кизлярской шквадрон капитан» Բոզդան Ասլանովի իշխանություններին հասցեագրած 1757 և 1759 թվականների գրությունների, Սուխանանդի ունեցվածքը պետք է անցներ պետության զանձարան՝ որպես անժառանգ մահացածի, որպիսի կարգ գոյություն ուներ Պարսկաստանում և Թուրքիայում։ Սենատը նման պահանջը անընդունելի համարելով, դատապարտում է Բ. Ասլանովի մոտեցումը, իսկ Սուխանանդի ունեցվածքի ժառանգորդ հաստատում նրա գործերի հնդիկ կարգադրիչին։ Չմայած Բ. Ասլանովի ակնհայտ իշխանահաճո դիրքորոշման, Սենատի որոշման մեջ Բ. Ասլանովի մասին եղած մի շարք արտահայտություններից ակնհայտ է, որ իշխանությունների կողմից հավանության չի արժանացել նրա միտումնավոր վերաբերմունքը հնդիկ վաճառականի նկատմամբ։ Իշխանությունների վերաբերմունքը նրա նկատմամբ դադարել է անվերապահ բարեհաճ լինելուց, ուստի միանգամայն օրինաչափ է նաև 1765 թ. ճանապարհորդությունը հաջող ավարտելուց հետո Բ. Ասլանովի կարգավիճակը բարձրացնելու վերաբերյալ Աստրախանի նահանգապետ Բեկետովի կողմից արված միջնորդության մերժումը, որի դրդապատճառները անհայտ էին մնացել նրա գործունեության ուսումնասիրությունը առաջինը ձեռնարկած Յու. Վ. Գանկովսկուն⁴։ Պարզվում է միաժամանակ, որ այնուհետև սրվել են հարաբերությունները նաև Բ. Ասլանովի ու Բեկետովի միջև՝ ընտանեկան հարաբերությունների մակարդակում, որը և պատճառ է դարձել նրա ընտանիքի քայքայման, ուստի և Բ. Ասլանովը ստիպված այդ մասին ընդարձակ գրավոր նկարագրությամբ դիմել ուղղակի կայսրուհուն⁵ և խնդրել, որպեսզի չթույլատրվի իր կնոջ դավանափոխությունն ու իր ունեցվածքի բռնագրավումը։

Բ. Ասլանովի ճանապարհորդության վերաբերյալ նյութեր պահպանվել են Հին վավերագրերի Կենտրոնական Պետական արխիվում⁶,

Ռուսաստանի Արտաքին քաղաքականության արխիվի «Աֆղանական գործեր 1763-1766 թթ.» ֆոնդում և Մաշտոցի անվան Մատենադարանի արխիվային վավերագրերի բաժնում՝:

Բ. Ասլանովի գործունեության վերաբերյալ դեռևս միակ ուսումնասիրությունը հիմնված է Ռ.Ա.Զ.Ս-ում պահվող վավերագրերի վրա⁸, որտեղ հեղինակը բարձր է գնահատել Բ. Ասլանովի զեկուցագրերի և ճանապարհորդության նկարագրության պատմագիտական արժեքը, սակայն այդ բնագրերը մինչև այժմ մնում են անտիպ և ոչ հաստի հայ արևելագիտական ոլորտի գիտնականներին: Բնագրերը ստորև հրատարակվում են ՄՄ արխիվային բաժնում պահվող պատճենների հիման վրա՝ պահպանելով ձեռագրի ուղղագրությունը:

I

Секретная записка: продолжения проезда моего за границу, что тамо присмотрено и разведано мною, значит под сим.

В прошлом 1764-ом году января 11 дня по данному мне секретному наставлению отправился я из Астрахани в путь до Кизляра обще коммерчествующей в Бухары и Хиву компании с директором армянином Васильем Абрамовым, коего поручено мне по ордеру астраханскаго губернатора господина генерал майора и кавалера Никиты Афонасьевича Бекетова по касающимся до него делам с посланным сообщением доставить в Персию в Зинзили к консулу Игумнову и следуя с ним прибыл в Кизляр января 20.

Тамо продолжился за остановкою его Абрамова по партикулярному делу несколько дней, ибо он, будучи в Астрахани запродавал потаенно персидским и кизлярским армянам полосное железо и деньги с них взял наперед (почему за пуд не известно) с договором получить его в Персии в Сальяне или Гиляне с чего и отправлено [оное на компанейском судне Галиете Санкт Романе, кое в 1763-м году осенью не дошед туда в море разбило, почему они Армяне, не получа железа, домогались возвратить]⁹ от него те деньги и едва по многим спорам между собою окончали на данном от него, Абрамова, письме то железо отдать им в тех же местах, как выше явствует, - и потому отправились из Кизляра 29 января с рекомендацією от тамошняго коменданта г. генерал майора Потапова к пограничным горским владельцам и персидским ханам о препро-

вождении нас с безопасностью, дав к тому из Кизляра в канвой казаков 10 человек, куда я и имел проезд по наставлению под именем купца Пагарбека.

По отъезде из Кизляра чрез три дня прибыл в деревню Тархал к Тарковскому Шамхалу, который, усмотря у меня хорошую лошадь, напросился оною его презентовать, в чем я, чтоб не озлобить и привесть его более в знакомство и отказать ему не мог.

Почему от него отправлены с проводником чрез деревни Кумтархан и Буинаки на другой день достигли Хаидацкого владельца Уцмия в деревню Ксекенд. Тамо уведомились о нем, Уцмие, что он намерение имеет его, Абрамова, захватить за обман увозом взятой у него пшеницы и за неплатеж ему пошлин рахтар. Опасаясь сего, наняв проводников поехал он, Абрамов, от нас мимо его, Уцмия, другими глухими дорогами в Дербент, а сам я ехал настоящею дорогою, где на учрежденной от Уцмия для него, Абрамова, заставе об нем спрашван, но отозвался я неизвестием и в Дербент приехав февраля 6 дня подал Кубинскому Фетх Али хану от астраханского губернатора г. генерала майора и кавалера Бекетова и от кизлярскаго коменданта письма, коротый приняв нас с благосклонностию и на вопрос его объявлено от меня, что я следую в Энзили к консулу Игумнову, куда в то самое время приехал и владелец Уцмий, коему при том же от кизлярскаго коменданта и письмо о себе подал, но он проговаривал из сердца: для чего я Абрамова провез мимо его тайно другою дороною, на коем де он имеет не малую свою претензию. Однако я отозвался ему, якобы он, Абрамов, отправлен от меня наперед за некоторым делом, не зная о его на нем взыскании, и прочими пристойными резонами его успокоив и склонил на разобрание.

Будучи в Дербенте известно было о собрании кубинским ханом войска и о приуготовлении провиата идти войною на Шемаху и 17 февраля отправлен я от него, хана, за препровождением трех человек с ним, Абрамовым, до Баки, куда по прибытии по прежнему знакомству принят ханом ласково и поставлен на квартиру, при чем многие бакинские жители просили его, хана, на Василья Абрамова в увозе у них немалого числа товаров, почему хан приказал мне их разобрать и удольствовать, с чего мною между ними разобрание и учинено,

и некоторые из просителей удовольствованы деньгами, а другие обязались письмами ехать в Энзели, о чем от меня и в посланных к нему губернатору письмах показано.

Марта 1 дня отправились из Баки за препровождением даннаго из Дербента одного переводчика и попуччиков дербентцев 17 человек, едучи дорогою, видели стоящего заставою с партиєю Фетх Али ханова двоюродного брата, непослушнаго ему Ибраим хана, который всех проезжающих грабил и нас опрашивал, какие мы люди; но как от нас ответствовано, что мы российские и едем к консулу, то им мы пропущены без вреда. Но в самый тот случай встретились тут ехавшие из Сальян тамошние персияне с купленною Фетх Али хану лошадью в тысячу рублей, на коих Ибраим хан напал. Вспомогая им, из ехавших со мною персиян некоторые присовокупились к ним и имели между собою стрельбу из ружей и с обеих сторон по два человека и трое лошадь убили и с тем растались.

4 марта прибыв в Сальян, гилянский житель персианин хаджи Макеют приносил мне жалобу на него, Абрамова, о взятии у него товару до 700 рублей для продажи в Дербенте, где продав де его, деньги ему не отдает. Напротив чего Абрамов в оправдание представлял, что те деньги отдал он его родственнику; но на последок по довольном споре обязались письменно разобраться в Энзилях у консула.

Между тем разведано мною, что в стоящем на пути к Энзелям городе Ланкаре¹⁰ тамошний Карахан имеет на него, Абрамова, претензию в увозе у него пшена и ищет за то его захватить, чего опасаясь по прошению Абрамова отправились на киржиме морем и на Караганской пристани за противным ветром стояли 11 дней, но не дождавшись тихости и способности к пути, обратились в Сальяны.

25 марта паки на киржиме купно с своими лошадьми чрез озеро переехали в Ленкару, где того начальника по отъезде к персидскому векилю Керим хану не было, затем наместнику его брату, бывшему в деревне Кизиль-агачь тамошний старшина о нашем прибытии дал знать и до получения известия отъездом нам воспретил, а по получении от него ответа и для перевозу к брату его письма, поруча оное мне для доставления до него, 30 числа поехали сухопутно.

Апреля 1 дня по прибытии в местечко Астара от тамошняго начальника Риза-кулы хана и также 3 апреля в местечке

Лумур начальником Шуджа Эддин ханом трактован я был столом и препровождаем от места до места с проводниками и на последок приехал в Энзили 5 апреля, куда дорога лежала от самага Кизляра обыкновенно около моря в виду только от Баки до Сальян продолжается в отдаленности от него степью.

Будучи в Энзилях у консула в праздничный день за обедом вдруг взошел в покой к нам гилянскаго Гедает хана домовый управитель персианин Ага Рафи и с ним персиян до 50 человек, все с рычагами, и кричали в покоях с суровостию, грозя разломав разбросать в воду, от чего мною и прочими купцами едва они отвращены пристойными увещаниями. А причина сему гвалду состояла следующая: из консульских баранов пасомых тамошними жителями в тот день один по неумотрению пастуха, отлучась от своего стада, забежал в другое обывательское, за коим ходил взять консульской свиты солдат; но пастухами он ему не отдан и отослан с бранью, за что между ними сделалась драка, к чему на помощь с обеих сторон солдаты и персияне присовокупились, куда прибежал и оный Ага Рафи с персиянином Мир Муталибом и вмешались в ту ссору и сам он, Ага Рафи, одного солдата ударил брошенным камнем по боку, за что ему мстили и разбили рожу до крови; однако по множеству персиян консульские солдаты разогнаты, чего всего он, консул, и никто не ведал. По то время, как он, Ага Рафи, злобясь, на сие, пришел с разбоем к ним в покой, о чем он, Ага Рафи, и Мир Муталиб приносили в Лагаджане гилянскому Гедает хану жалобу, который прислал к нему, консулу, нарочнаго своего человека с осведомлением; как оно происходило и если он, Ага Рафи, подлинно так обижен, то б за него как почитаемаго по их магометанскому закону за святаго, тот человек, который его в кровь повредил, был сожжен. Токмо по представлениям моим и консула зинзилинскому Ших Али Исламу, что той драке были начальники сами персияне и он, Ага Рафи, своим азартом и наглостию ему консулу более причинил обиды, яко поверенной от всероссийской стороны персоне, по каким причинам ему и продолжаться тамо весьма опасно и к выезду было приготовлено судно. Оное дело чрез посредство его Ших Али Ислама оставлено, и сами персияне тамошние купцы просили его, консула, о невыезде, о чем и он Ших Али Ислам к Гедает хану писал, чтобы то дело уничтожить, объявляя, что из того последует им великий убы-

ток, потому от него, хана, прислан к консулу нарочный и с ним вышеоглавленные Ага Рафи и Мир Муталиб в праздник пасхи во первых с поздравлением оного, а при том и с прошением о прекращении той ссоры, на что консул снисходя на состояние в тиши наилучшей комерции, все то предоставя и сам намерение о выезде оттуда отложил.

В продолжении мое в Зинзилях разведал я следующее.

1-е. Сказывали тамо, что в лагере персидскаго векиля Керим хана из первенствующих при нем Тураб хан, секретарь его мирза Назып, домовый управитель Назыр и другие четыре хана с одним евнухом согласились его, Керим хана, убить, но один Керим ханов служитель, уведомясь о сем, донес ему, хану, отчего он, остерегаясь, в одну ночь из обыкновенной спальной ставки своей вымышленно вышел в приуготовленную другую ставку, примечал их действия; а те умышленники, не зная о нем, пришли было к той ставке испол[н]ить над ним свое злое намерение; но не нашед его тамо устрашась от нея, побежали, коих Керим хан велел переловить и по распросам евнуха и некоторых из ханов приказал казнить смертию; а Тураб хану и прочим выколол глаза.

2-е. Слух носился тамо о собрании в Туреции войска для отправления под командою вавилонскаго паши чрез Армению в Грузию к нападению на сопротивляющихся турецкой стороне Мелетинцов; называемых по турецки Башачуг. Якобы от Порты Оттоманской Керим хану объявлена война и командирован в Персию и Грузию особый корпус войска под предводительством семи турецких пашей и к грузинскому царю Ираклию послан от турецкаго двора нарочный курьер с угрозами за вспоможение его против турок мелетинцам; но будто на то от него, Ираклия, ответствовано, что он никакой помощи им не чинит, однако буде турецкий двор намеряется с ним вступить в войну, то он на то готов, и с тем изъяснением отправил в Константинополь четырех человек своих князей. Война же у мелетинцев с турками происходит за продажу туркам по запрещению нынешняго их царя Соломона христиан, о коем сказывают, что уведав он об одном мелетинце, который продал своего служителя христианина туркам, велел его за то сжечь.

По сим разглашениям по приказу консульскому находящиеся в Энзилях армяне отправили от себя в Арарат к армянс-

кому патриарху с просительным письмом уведомления о турецкой армии нанятого скорохода; но сей не доехав до города Ардевиля нападавшими на него персиянами шахсевенцами прибит и изодрав письмо прогнан назад.

В продолжение ж тамо в одно время при самом консуле переводчик его Шубин в шумстве при многих людех спрашивал меня неведомо с чего, с какою комиссиею и куда я отправлен, в том бы консулу дать знать, проговаривая при том, что он обо мне не ведает, может де я из России и бежал; но я сколько мог оттого ему отказывался пристойностию.

Мая 1 дня отправлен я был от консула без всякой рекомендации в Рязь, где принят им, ага Гедает ханом благосклонно, и при том между разговоров проговорил, якобы на меня у него, хана, есть жалоба о вышеописанной бывшей у консула за барана ссоре, от персиян, на что я ему с своей стороны в опровержение того представлял какия причинены ему, консулу, яко от высочайшаго российского двора знатной персоне от тех персиян озлоблении без ведома его, хана, и тем его к российской стороне приводят в подозрение и в нарушение заключеннаго между всероссийскою империею и персидским государством вечно мирнаго трактата и соседственной дружбы, таже и другие пристойные к сему представлял резоны, что он принял себе за благоугодность и за то благодарил и унял с собою обедать, а по обеде от него вышел в отведенную квартиру.

На другой день по приказу ханскому приходили ко мне в квартиру гилянские старшины с поздравлением приезда, а после паки был я у него, хана, коим спрашиван, куда и зачем я еду, на что от меня ответствовано, якобы я отправлен от астраханскаго губернатора для покупки ему по знаемости моей разных куриозных вещей и намерен для отыскания их ехать далее в Персию; но хан напротив того вызвался, будто переводчик Шубин сказывал ему, что я послан в Мешед к Шагрух шаху, но я на то отозвался, что он разве ему, хану, такую ложь на меня взвел, будучи в не уме, уверяя, что я подлинно еду, как выше значит, только для покупки куриозных вещей и может быть случится по надобности той заехать и в Мешед, только до Шагрух шаха никакого дела я не имею, с чем уже и отъезжаю и просил его о даче мне переводчика и рекомендации к Казбинскому Мирзе Али и Испаганскому Эскер ханам, коих по даче от него 5 числа мая действительно в путь до Казбина отп-

равился горами, где понес великую опасность от грабежа персиян.

14 числа мая приехав в Казбин, тамошнему хану рекомендацию Гедает хана о себе подал и принят им ласково при чем разведано:

1-е, что Керим хан в городе Испагани умертвил из своих ханов пять человек за научение находящихся при нем Калмык четырех человек его Керим хана убить, которые с тем взошли было к нему хану в баню с обнаженными саблями; но им против их азартным криком уstraшены и приведены в робость. В таком случае он, отняв у них две сабли, двух из них убил сам, а другие двое ушли, только и они отисканы и в принесении повинной открыли тех ханов, кои их на то склонили.

По приезде в Казбин и Гамадана купеческого каравана уведомлено, что лежащая к Мешеду дорога весьма опасна от трухменцов, которые де недавно ехавший купецкий караван разбили, а вавилонский паша согласился с живущими в нем персиянами многим числом находящихся тамо турецких министров и турок всех побить, но те министры проведав о сем прежде самого его, зломышленника на них, убили, и вместо его определили другого пашу; но как сей о побитии за вышеписанный бунт персиян по их желанию не согласился, то и он в сходство первому от них убит.

О посланном от консула Игумнова к Керим хану толмаче Муслюме сказывано, что его чрез Рящь Гедает хан не пропустил и возвратил назад; зачем он отправлен морем в Мизондронь, где взял с него хан в презент сто рублей к Керим хану ехать дозволил.

Мая 18 отправился я из Казбина с данными от хана проводниками военными людьми персияны и прибыл в Кашан. Тамо по объявлении себя наипу Абдул-беку разведал, что Керим хан в сорока тысячах войска пошел из Испагани для усмирения бунтующих против его персиян Бахтир, однако того народа старшины не допуская его до себя, принесли ему повинные и за понесенные походом на них убытки подарили ему денег 40000 рублей, катыреи - сем сот и тысячу пятьсот лошадей; тем он удовольствуясь, возвратился.

Живущий в Англии армянин Петрос приезжал оттуда в Испаган к Керим хану с прошением о дозволении производить в Персии англичанам комерцию в Бендер Абасах, где и прежде

оная была, на что от него, хана, и дозволение воспоследовало, с чего находящийся тамо английский резидент против одного города на острове при самой морской пристани построил каменную крепость и снабдил ее в оборону артиллериею, в которой и поселилось разных наций людей многое число, и производится великая комерция, куда и все беглецы отовсюду без всякаго опасения приемлются.

Июня 3 дня отъехал я из Кашани в купеческом караване в Мешед; но 13 дня усмотрели на пути едущих тухменцов веровскую партию 150 человек, кои, разбив деревню, везли с собою ясырей и гнали скот и усмотря нас, половина из них осадили наш караван, а другая осталась при добыче своей и хотя мы от них оградясь товарными кипами, отбивались ружьями часа четыре, при чем они, тухменцы, убили в караване шесть человек и усмотря, что избавиться нам от них невозможно, договорились с ними отдаться им без всякаго мучения людей и как только тухменцы начали в караване людей и товар разбирать, то в самое время выслана была на них из города Наина партия 150 же человек, с коими тухменцы, оставя караван, вступили в бой, между чем я с двумя товарищами бежали на лошадях, но тех товарищей тухменцы нагнав, убили, а я сам ушед и, не зная дороги, ездил по степи три дня и едва нашел одну деревню, где наняв проводника выехал с ним в город Езду и слышал, что тухменцы тое высланную партию разбили и караван наш разграбили, в том числе достался и вес мой экипаж и купленный мною в Энзилях на казенные деньги товар и остались только при мне одна секретная инструкция с прочими записками и золотою персидскою монетою 50 рублей, зашитые на мне в платье.

В городе Езде разведано, что Керим ханов брат Зеки хан, огорчась за выколотие глаз дяде его Ших Али хану, против его взбунтовал и бежал с партиєю в Кашан и, ограбя тамо жителей, ушел в пограничный к Индии город Хауза и, как тамошняго главнаго, так и других ханов умертвля, сам в нем усилился владетелем и хотя Керим хан для поиска над ним посылал 4000 человек войска под командою Незер Сия хана, но он от него разбит.

Город Кирмана Дербунни Таги хан, последуя тому брату его, также взбунтовал, коего для усмирения Керим хан послал с Амар Гули ханом войска 5000 человек, но сии, имея сраже-

ние, одолеть его, Таги хана, не могли, в таком случае пристал он, Гули хан, к нему, Зеки хану, вообще бунтовать, против коих ходил с войском своим сам уже Керим хан и победа обоих, Амир Гули хана и по нем Дербуни Таги хана умертвил, а брат его Зеки хан по просьбе матери своей с ним Керим ханом помирился и, прибыв к нему, остался в его лагере.

После того еще открылся потаенный умысел его Керима хана умертвить, за что согласники злодейства Фетх Али хан, Азат хан, Мусалон Назир хан, Незер Али хан с прочими умерщвлены.

Июля 1 дня выехал я из Езды случившимися попутчиками и 26 дней по безводной песчаной и каменистой дороге продолжался и едва августа 2 дня приехал в город Табас, состоящий под владением афганского Ахмед шаха, где явился начальнику Али Мердан хану и подал о себе рекомендательное от Таги хана письмо.

Во оную бытность мою он, Агмед шах, прислал к нему, Али Мердан хану, с требованием войска ста тысяч человек, но он от отдачи его отозвался множеством около себя неприятелей трухменцев, курдов и прочих народов, от коих де имеют всегда великое опасение.

5 августа из онаго города выехал за препровождением данных от хана двух трухменцев и четырех афганцов, с коими продолжал путь до Мешеди, токмо с великою от трухменцев опасностью, и дорога была безводная, пустая, каменистая и горная.

Сентября 2 дня прибыл в Мешед, явился тамошнему Фиридон хану, родом из грузин, состоящему в магометанском законе, коему я объявил себя грузинцем и принят им благосклонно, и отведена была мне квартира в доме его.

Тамо я разведал, что пред приездом моим Агмед шах афганский присылал из Кандагара к Шагрух шаху о собрании около Мешеди войска, но он оттого отказал по бывшему тогда замешанию, ибо он, Шагрух шах, имел тогда дело с управителем курдов, имянуемым Чаварханом и другим Аллаверди ханом, прозываемым Джелаир, за противности их ему усмирить, на что и собрано было войска 10.000 человек под командою Фиридон хана, который делал с ними великое сражение и хотя из курдов убито много, однако не окончив победы разошлись; а на последок положили между собою договор: на место Шаг-

рух шаха за его слепотою утвердить шахом большего его сына Надыр мирзу, токмо при мне точно того еще не окончено.

По прошествии сей опасности отправлен я из Мешеди от Фиридон хана за конвоем шести человек до города Ирата¹¹ 8 сентября, куда прибыл чрез пустую степь.

22 числа явился с письмом его, хана, тамошнему начальнику Наджап хану.

Во время пребывания моего во оном городе разведано мною, что в прошедших годах, а когда — точно не упоминают, будто китайский Джонжон и Онбон хан с китайским войском в 300.000 человек ходили во Малую Бухарию и осадили города их Кошкар и Еркень и с выходящими из тех городов кошкарцами имели полныя баталии, кои защищали владетели их два брата Ая ходжа и Гун ходжа и продолжалась осада их года с три, но на последок все они, китайцы, разбиты и те ханы сами убиты и многие взяты в плен.

После того еще китайский другой Джонжон хан приходил к тем же городам в 80.000 человек, но также разбит и сам бежал; но китайцы за те крайне огорчительныя и несчастливныя неудачи, собрав многочисленную армию лет тому с семь, паки послали его же Джонжон хана, о чем уведомясь, те бухарские владетели два брата, будучи не весьма сильны, посылали от себя с прошением вспоможения в Большую Бухарию, в города Каршу, Шаарисявс, Хажаб, Ташкент, Бальх и прочия тамошния места, но как от них отказано, то они Малой Бухарии владетели, согласились с киргис-кайсаками и зенгорцами и собрав все свои силы, сколько могли, имели с ними, китайцами, немалое сражение; но по великой силе китайцев разбиты и многие побиты и оставшие разбежались по туркестанским городам, из коих де некоторые зенгорцы ушли и в Россию. В таком случае Малой Бухарии города Кешкер, Эркень, Кутан, Ахсубай, Сайрам, Куча, Корхачалиш, Алохтур, Паза и Барколь достались за владению китайцов, и в одном из них, Барколе, по великости его, содержится китайская армия для того, что он граничит с Туркестаниею, и сверх сего от городов Хожанта и Гогона и от кочующих около их киргис-кайсак подвластных тем городам взяты в Китай аманаты; а владетели Малой Бухарии два брата в пяти или в шести тысячах человек бежали к узбекскому городу Лалабадаш хану, где узнав их хан Султанша лестию приглашал к себе в город для жительства по одно-

законию, на что из них один брат Гун ходжа и согласился и взяв некоторую часть из своей войска, приехал в город и хотя принят сперва благоприятно, но опасаясь их искусства в воинских обращениях, осады и завладения города, побиты, а оставшие разобраны по рукам. В таком случае другой его Ай ходжа с оставшими при нем военными людьми бежал в левую сторону города к индийской стороне, за коим Султан-ша хан ездил в погоню и догнав их в степи в песчаных местах от жаркаго воздуха утомленные на них напал и самага Ай ходжу с прочими убили, а достальных живых с бывшим при них богатством взяла себе в добычу, о чем уведав, Ахмед шах афганский посылал к состоящим в Малой Бухарии китайцам посланника своего Маамат Риза бека для истребования тех убитых владетелей двух сынов, кои ему и отданы и привезены в город Бальх, каковое происхождение точно уверяли во Ирате бывшие на тех баталиях беглые оттуда зенгорцы, кашкарцы и киргиз-кайсаки и сверх их те известии и во всех местах о точности их подтверждены.

По завладении китайцами вышеписанными городами, принадлежащими Малой Бухарии, Агмед шах афганский, покоря себя город Мешед со всеми к нему принадлежащими местами, потом как вознамерился идти с войском в Индию, поручил во управление и оберегательство города Туркестанский Бальх афганскому Али хану и узбекскому Аджи хану с пятьдесят тысяч войска из афганцев, Мешед - Шагрух шаху, а прочие города другим ханам, сам отправился в Кандагар, откуда послал наперед себя в Индию с войском в 60 тысячах человек сердаря Джаан хана, приказав ему, подошед к пограничным индейским городам, нападений не чинить, а ожидать его самого, куда в скорости и сам в сорока тысячах пошел к нему в соединение; но Дж[а]ан хан дошед до первого индейскаго города Мутрама, почитаемаго за дом идолов их, с вышедшими из него индейцами, не ожидая шаха, оказуя свою ревность в службе сделал сражение и сбив их с поля, город взял в добычу и идольския кумирницы раззорил.

Уведомясь о сем, живущие около города индейцы, завомше Сик, собравшись немалою армиею, пришли на освобождение города и напав на него, Дж[а]ан хана, разбили; который принужден был бежать назад, встречу к Агмед шаху; но индейцы, гнався за ним по пути дошли до обоих и самага его,

Агмед шаха, разбили ж, который с великим уроном обратился в Кандагар и, набрав вторичную армию во сте тысячах человек состоящую, в ноябре месяце 1763 года пошел паки в Индию, и что тамо происходит, известия да и его возвращения при мне не было.

Октября 14, наняв я в препровождение двух тухменцев, поехал в город Лавр¹² и прибыл 22 октября, который граничит с персидской стороны тухменцев, а из онаго с данными мне от Байрам Аги хана проводниками двумя тухменцами отправился до города Чарджу; но на пути тухмены меня одержали по сумнительству, якобы я персиянин и еду их места осматривать и бывшие при мне оружие отобрали. Однако на последок по уверению тех проводников едва освобожден и оружие возвращено, почему и прибыл в город Чарджу 4 ноября, состоящий под владением узбецких татар, у коих еще есть подвластные города Караколь, Анхо, Балх, Кият, Карш, чрез кои проехал до столичнаго города Бухары, куда прибыл чрез степную дорогу и шалый лес 29 генваря сего 1765 года, где видел пленных русских людей более 200 человек и уведомился от них, что они большею частию взяты под Оренбургом киргизкайсаками, которые, возвращаясь от Оренбурга с меноваго двора в свои кочевья места всех, кто б им ни попался из русских, захватывают и увезя продают, между коими имеются 4 человека кананир, кои тамо и артилериею действовали и еще Сызранскаго жителя Ивана Степанова, который взят в плен киргизкайсаками назад тому лет с двенадцать с зазимовалаго на Воле в урочище Круглом Сызранскаго купца Кандалаева судна с тремя товарищи и ныне находится у бухарца Мирзавайта аксакала, да двое такие же попались мне в Хиве, да один оренбургскаго купца Якова Иванова Куницына сын оренбургской губернской канцелярии канцелярист сказывал о себе, что он назад тому более года будучи на меножном дворе у купцов в гостях и пошед от них пьяный, заплутался и нашел на одно киргизкайсацкое кочевье, кои поймав его, связали и продали в Хиве хивинцу Мурат-баю. Да еще видел тамо астраханскаго жителя Ивана Маркова, коего сын находится здесь в работе на фабрике персиянина Садыка; оной и с ним русский же Григорий Шалимов живут у хивинца Абурахмана, а брат его родной ныне находится в Астрахани хивинец Мамет Сеит. Еще Ивана Хрусталова, Дементья Семенова прозванием Оленок, Илью

Федорова, Ивана Кирилова, кои взяты в плен киргиз-кайсаками в одно время с разбитого на Киргиз-кайсацкой стороне в урочище Прорве судна, и все они, пленные, просили меня со слезами о вырубке их из плена, о чем объявляя предаю в вышнее рассмотрение.

Февраля 18 выехал из Бухар с караваном в Хиву до города Ургенча и прибыл туда чрез степь марта 28, где и их пленных видел.

Из Хивы отправясь в караване прибыли 16 апреля в Мангышлакскую пристань к Каспийскому морю, куда дорога была безводная и безлесная чрез горы и, ожидая судна, продолжаясь тут мая до 1 дня; а потом на пришедшее морское судно астраханского купца Ефима Бирюкова, сев с прочими купцами, прибыли в Астрахань. Во обращение мое в тех местах приметил я о торгу, что оного в Персии никакого нет, но только хлеба в урожае довольно. До и в Бухарии торг весьма малой.

Капитан Богдан Асланов.

II

Рапорт Богдана Асланова Астраханскому губернатору Никите Афанасевичу Бекетову

По 1^{му} пункту. Намерения афганского народа, касающегося до Малой Бухарии да и нагайского народа хана Агмедцы, тамо никакого нет, а точно пребывание имеет афганский Агмед шах имянуемый прежде сего Ахмет хан в городе Кандагаре, лежащем между Персиею и Индиею, где и все владение его Афганцев состоит, который сверх того содержит в своей власти завоеванные им персидские города Хорасанской провинции Таббас, Мешед, Калат, Баварт Чабучлю, Амирхан, Мовна, Мужнут, Ширвана, Кочан, Рактан и Чинар. И около афганцев кочующих народов никаких не имеется, и афганцы жительствуют селениями, городами и деревнями. Разстояние от города Кандагара до перваго Туркестанскаго города Балха 50 дней езды, а Малой Бухарии до городов Эркеня и Кашкара сколько быть может - неизвестно.

По 2-му. Агаметца хан (котораго, как вышепоказано, там нет) да и оной Ахмед шах афганский владетель никогда к китайскому двору с требованием, чтобы за разорение китайцами бухарских городов Эркенья и Кашкара отдать городам во удовольствие завоеванную китайцами зенгорскую землю, никого не посылал и из Киргиз Кайсак на совет к себе и в общество о принятии намерения за утесняемых от китайцев магометан вступить не призывал и нималого о том известие не слышно.

Затем сообщает о силе этого народа "имеет немалую знатность и силу, коего все окрестные народы опасаются, а они напротив того ни от кого по могуществу своему к опасности не зависят..."

Ахмед шаху не мог сообщить обнадеживание относительно подкрепления против китайцев, потому что в то время он находился в Индии¹³.

"О удобности к возстановлению от персидскаго города Астрабата с Индиєю торгу сухим и водяным путем мне разведать и приметить было не можно, потому что я по неспособности пути по крайней опасности от тухменцов проезда в него не имел, а следовал, как в реченной записке явствует, другою дорогою, однако сколько можно обстоятельство лежащего от Астарабата к Индии пути знать, то по неудобности его яко должно ехать туда чрез самыя гористыя и безводныя места, Мешед, Имрат и афганское владение, что составить должавшую и трудную дорогу проезда иметь совсем нельзя и крайне от тухменцов опасно грабежа и пленения. В таком случае коммерции возстановить чрез сие место неспособно".

О делах бывшей коммерческой в Хиву и Бухары Компании директора Армянина Василья Абрамова какие до него касались и мне дошло до сведения, об оном показано в означенной записке.

(NB. На Василия Абрамова отовсюду приходили жалобы, так что привилегии компании были уничтожены и торг сделан свободным).

Сверх всего вышеписаннаго присмотрено мною

1°. В Бухарии в жительство мое на гостинном дворе видел я у Хивинцев и у Астраханских татар Ахуна и у других, а как их зовут - не знаю (которые в то время приехали туда из Астрахани) проведенныя ими отсюда показанно ружья, свинец,

сталь и железо, и приметил, что оное они провозят. Свиннец разбивают тонкими досками и кладут между сукна в таях и еще его ж и сталь кусками заливают салом в кадках с жареным мясом, которые они употребляют в пищу себе, и в больших таганах и шешлыках, кои делают здесь нарочно из одной стали, а ружья и железо каким образом провозят, прасмотреть и разведать не мог. И егда астраханские татары прикащик Гиланскаго двора жителя Аги Мурзы и Мавлемберди (который ныне приехал в Астрахан, и означенный Ахун, так и прочие, что я, посланный из Астрахани, признали, то боясь о тайно провезенным им товаре здесь мною объявления, просили тамошняго пошлиннаго зборщика и того гостиннаго двора откупщика, из гостиннаго двора меня выехать и на место мое в лавку посадить татарина, приехавшаго туда с товаром, да и сами пришед к моей лавке мне великое ругательство бранными словами, называя меня точно шпионом и хотели донести о сем тамошнему Абул Фезил хану, однако я, претерпевая оное, сносил и нимало о себе знать не дал, тайно же привезенное туда железо продается по тамошнему весу батман бухарский шесть пуд по 16 червонцев пяти рублевых; стали 17 фунтов по 4 червонца, ружья павловской работы - по 5 червонцев, а свинец - фунт на российские деньги рубль тридцать копеек.).

2°. В Хиве приезжающим отсюда купцам армянам и татарам от хивинскаго Мейстера или по хане управителя чинится великое отягощение в сборе пошлин, которую они берут с привозных и покупных товаров с татар равную со своими поданными, а с армян - против того вдвое, и далее Хивы в Бухары с торгом не пропускают, а принуждают товары свои отдавать хивинцам в долг до спуска, и у кого таким образом возьмут, то едва платы получить может половину, а у иных пропадает вовсе и никакого в том удовольствие не делают, а когда Хивинцы привезенные из России товары свои в Бухарах распродают, то уже в таком случае за великие подарки пропускают в Бухары и тех армян и татар, а в резон тому объявляют, что они Хивинцы из Астрахани в Москву ни за чем не пропускаются, при всей той наглости запрещают к себе и ездить, ибо де они вывозят только от них золото и серебро.

3°. В Мангышлаке тамошние Трухменцы с приходящих к ним отсюда судов за пристань и с выгружающихся на их берег купцов с товарами для переезда до Хивы вымогают великие

подарки, и пошлину всяким товаром и по лакомству и зависти своей что у кого хорошее ни увидят, все просят себе; а ежели кто не даст, то почитая себе за обиду, стараются не только сделать какое злодейство, но и совсем ограбить и умертвить. И нарочно купцов держат на берегу по месяцу и далее, куда по уведомлению собрався трухменцы по тысяче и более, требуют все наглостию презентов, коих видя купечество такие суровые зверские поступки, опасаясь грабежа, принуждены сверх подарков от себя кормить, чего они явно просят, и оттого претерпевают великие убытки и ругательство, говоря и отбивая их зачем де они к ним приезжают, им де никакой нужды в них нет, и на последок договорясь о перевозе до Хивы, поставят сами верблюдам своим цену в семнадцать, да за провоз 6 или 7 червонцев четырех рублевых, и содержание при нем трухменца от купца; а ежели в пути который из верблюдов умрет или заболит, то берут за него и за провоз полную плату, и тем самым делом купцов притесняют и отгоняют. Когда же какое морское судно из Астрахани к пристани подойдет, тогда трухменцы выходят на берег с камнями и оружием и съезжать на берег не допускают до тех пор, пока получают себе по своему желанию презент и потом уже к съезду и торгу допустят.

В бытность же мою тамо сверх купленного мною в Энзлиях на казенные деньги товара, для показания пространного своего за границей купечества (под которым званием туда был я отправлен, чтобы не подать о себе сомнения) имел при себе и собственного моего экипажа и товара на 500 рублей, которого чрез продажу желал я более для высочайших Ея Императорского Величества интересов полезное приобрести, а при том и свое состояние в разсуждении имеющагося на мне разных людей долгу при том случае посылки моей поправить, но, как в означенной секретной записке значит, все то трухменцами купно с казенным товаром пограблено, почему принужден я был для получения о тамошнем состоянии известии и в проезд мой на содержание мое занимать в тамошних местах на вексели деньги, и сколько их кого мною занято и на что именно данных мне из казны денег издержано, о том реэстр; а какие в бытность мою в Персии от тамошних командиров посланы были со мною к другим таким же командирам на персидском диалекте рекомендательныя обо мне письма, из коих, по слу-

чаю небытности моей у них, остались у меня четыре письма, оныя в оригинале прилагаю при сем.

И о всем том Вашему превосходительству чрез сие покорнейшие доношу в рассмотрение и прошу означенныя заняты мною для казенной надобности на вексели деньги всего 585 рублей для расплаты моим заимодавцам приказать мне выдать и о том учинить резолюцию.

На подлинном подписано тако:

Капитан Богдан Асланов.
Июля 5 дня 1765 года.

PAVEL CHOBANYAN

BOGDAN ASLANOV'S TRAVELING NOTES

The article deals with the description of Bogdan (Baghdasar) Aslanov's (captain of Russian military service) travel to Persia and Afghanistan in 1764-1765. After his return he presented a report named "Secret Note" to Russian authorities.

In the description we find a lot of interesting information about the political and economical situation in that countries as well as about the diplomatic and military-political relations between China and Afghanistan in the mid of XVIII century.

ՇԱՆՆԹԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

1. Ходжаев Аблат, Взаимоотношения Цинской империи с Джунгарским и Яркандским ханствами (1700-1760), Ташкент, 1989, с. 49-52 (автореф. докт. дисс.).
2. Б. П. Гуревич, Международные отношения в Центральной Азии в XVII-первой половине XIX в., М., 1979, с. 196.
3. "Лев Асланов был персидского города Сигнацкого Гарабахтов армянской дворянин и был в военной службе того города у самовладельца Авана Бабанова юсьбашею, и за верное подданство под протекцию блаженныя и вечной славы достойныя памяти государю императору Петру Первому и за оказанныя от России военною службою против лезгинцов и турок с протчими армянскими того города дворяны лезгинцами убит. А он, ответчик, в малолетстве теми лезгинцами взят в полон и имелся в полону в персидском городе Шемахе, о чем значит в данном ему, ответчику, государственной иностранной калеги ис канторы указе, с которого он, ответчик, к сему делу объявит копию. И потому, что, он, ответчик, был в полону и оттуда означенным армянином Сергеем на обмен выкуплен, купленным холопом называть и за холопа

признавать нимало не подлежит, ибо он, Сергей, ево, ответчика, и на обмен выкупил, и то за одолжение и приятство к нему отца его, ответчикова, почему он ево, ответчика, и содержал так, как сына".
ՏԽ Րուսսո-Ինդիական օրինակները 18-րդ դարում (Сборник документов), Москва, 1965, с. 309.

4. Ю. В. Ганковский, Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 г., - "Советское востоковедение", 1958, N 2, с. 86.
5. ЦГАДА. Фонд Гос. архив, разряд XVIII, дело 219, л.1-3.
6. ЦГАДА, Именные указы с 1753 по 1766г. по азиатским делам, N130. ՏԽ նաև նույն տեղում, Фонд Гос. архив, разряд XVIII, дело 219, л.1-3.
7. ՄՄ, Կաթողիկոսական դիվան, թղթ. 2, վավերագիր 20: Այդ նյութերի անկայությունը արձանագրել է Հ. Խաչատրյանը. տես Հ. Ն. Խաչատրյան, Հայ և ռուս ժողովուրդների զինակցությունը ռուսական քանակի կապիտալի արշավանքում, Երևան, 1972, էջ 43, 45:
8. АВПР, ф. Афганские дела 1763-1766гг., д. 1.
9. Տեքստում ջնջված է:
10. Ленкоран.
11. Герат.
12. Надо бы Мавра, т.е. Мерв (ծան. գրչի).
13. Мы не прочь были помочь Афганцам против Китайцев из опасения их с одной стороны, а с другой потому, что сибирское пограничное начальство доносило Коллегии ин. дел, что китайцы после своих побед сделались очень "высокомерными".